

А иначе зачем?

Если бы депутаты Госдумы в своё время добились ухода правительства ЧЕРНОМЫРДИНА, и председателем правительства стал СОКОЛОВ (он был основным кандидатом) — российская история сложилась бы иначе: все, кто знает бывшего ректора Красноярского госуниверситета, в этом не сомневаются.

Уход в большую политику, которая имела такое огромное значение в последние десятилетия жизни Вениамина Сергеевича Соколова — ректора КГУ, учёного-физика, академика РАО, красноярцами скорее воспринимается скептически. Мол, зря он сделал этот шаг, вектор экономических реформ уже невозможно было изменить. Но чем дальше, тем больше даже попытка, предпринятая В.С. Соколовым (а он разрабатывал и предлагал альтернативные планы развития страны), воспринимается с уважением.

До кончиков ногтей Вениамин Соколов был человеком советской закалки — в лучшем смысле этого слова. Из плеяды блестящих интеллектуалов, которые запускали атомные реакторы, покоряли космос, создавали научные центры и университеты, брали на себя ответственность и ничего не боялись. И, конечно, в период тектонического, как сейчас говорят, разлома в истории страны он не мог остаться в стороне.

29 сентября Вениамину Сергеевичу Соколову исполнилось бы 80 лет. Для Красноярска в первую очередь он человек, который 13 лет возглавлял Красноярский госуниверситет и вывел его в число ведущих вузов страны. Но сегодня мы не хотим говорить ни о ректоре, ни о политике. Пусть это будут воспоминания об отце — написанные его дочерью Ольгой СОКОЛОВОЙ.

Об отцовстве

...Когда папа умер (я написала эти два несоединимых слова, я никогда их не произносила), и разные люди что-то говорили, меня поразило много раз прозвучавшее в разных вариантах слово «отец». Оказывается, для кого-то он был «папой Веней», для кого-то — «как отец»; моя подруга, у которой отца не было, сказала: «Вениамин Сергеевич был для меня образцом, идеалом отца»; внук назвал его «дедушкой-папой»... И, конечно, университет — детище (опять мысль об отцовстве).

Нас только двое в семье — сестра и я. Но мне кажется, если бы детей было больше, его бы всё равно хватило на всех. Он правда был настоящим отцом, он хотел быть отцом, и он не боялся им быть. Считал своими детьми и внуков, говорил: «У нас шестеро детей». Я обижалась. Зря, конечно... Сейчас, когда пишу, сформулировала для себя: отец — это любовь и ответственность.

...Папа всегда очень много работал, но он всегда был с нами, с дочерьюми, потом с внуками. Не представляю своего детства без папы. Помню: мне 3-4 года, он учит меня читать — сам сделал карточки, на них красивыми, ровными буквами написаны слова, коротенькие и подлиннее. Показывает мне карточку — я должна запомнить слово, потом узнать его среди других; новый тогда метод обучения чтению целыми словами. Сейчас карточки можно купить или скачать на любой вкус и в любом количестве, а тогда нужно было сделать самому. И это была приличная стопка одинаковых, ровно нарезанных карточек с идеально выписанными буквами (небрежности папа не любил).

В четыре года я уже читала. Книг дома тогда было не очень много — один самодельный стеллаж: специальная физическая литература (всё-таки молодые учёные-физики), немного художественной (собрание сочинений ПУШКИНА — 10 пухленьких синих томов небольшого формата, тоже синие, но яркие тома Марка ТВЕНА, серые — ЧЕХОВА), альбомы с репродукциями (Эрмитаж, Третьяковка), словари (немецкие, английские), пяти- или шеститомная философская энциклопедия, коричневый многотомный ЛЕНИН... Помню БИД-СТРУПА, «Сотворение мира» Жана ЭФФЕЛЯ. Детских книг поначалу было не очень много, поэтому я читала всякие. Эффель был очень удобен для чтения: много картинок и мало текста. До сих пор помню этого симпатичного, домашнего, босого бога.

Когда я стала побольше, и количество текста перестало меня пугать, папа не то чтобы руководил моим

чтением, но периодически советовал что-то и подкалывал книги. Он считал, что обязательно нужно прочитать ГЮГО, ДРАЙЗЕРА, ТОЛСТОГО. Список, конечно, неполный, были и другие советы: КАМΠΑНЕЛЛА, «Белое и думь»... Специально для нас собирал научно-популярную серию «Эврика».

На нас с сестрой время находилось всегда. То есть я не помню, чтобы родители от нас отмахиались, говорили «подожди, не до тебя» или что-то подобное. Мы играли в слова, города (так я выучила географию), шашки, шахматы, какие-то настольные «ходилки». Как-то из Германии папа привёз коробку, в которой было сразу несколько игровых полей для разных игр, много разных фишек, шашек, кубиков. Осваивали мы коробку вместе (правила-то были на немецком), заиграла плотный прекрасный немецкий картон почти до дыр.

Мне нравилось, что он играл по-настоящему, показывал мне рациональные ходы... Он не любил пустых забав, того, что не требовало интеллектуального или физического напряжения. В шахматы, например, соглашался играть с большей охотой, чем в шашки, в шашки — с большей охотой, чем в «поддавки», а в «Чапаева» вообще с трудом соглашался (это, если кто не помнит, когда нужно шелчком по своей шашке выбить с поля шашку противника). В карты не играл совсем (в «дурака») и в лото с бочонками мы играли у бабушки с дедушкой).

Что ещё мы делали вместе? Зимой кажде выходные ходили на лыжах, летом — на Обское море (мы жили тогда в новосибирском Академгородке).

Он не просто стоял на лыжне и держался на воде, а делал это как настоящий спортсмен. Плавал и брассом, и кролем, и баттерфляем, но больше всего любил брасс. И на лыжах бегал профессионально, красиво. Вижу его: в пёстром свитере и куртке «на рыбьем меху» — ветровке, которая служила ему долго-долго и до сих пор лежит у нас в шкафу.

Лыжи у нас были всегда, с самого раннего детства, и папа следил, чтобы они были в порядке, подходили

по длине (мы росли — нужно было покупать новые, и покупали мы их всегда вместе), чтобы были правильные крепления и удобные ботинки. Всё было очень серьёзно. В зависимости от погоды выбиралась мазь, лыжи мазались ею, потом мазь растиралась какой-то специальной штучкой. Иногда лыжи нужно было смолить... Мы не просто ждали, когда нам выддут готовые лыжи, и не просто смотрели, как папа их готовит. Как-то он умел втянуть нас в этот процесс — это становилось общим делом. Как и многое другое: то, что было интересно ему, он умел сделать интересным для нас.

Зимой — снег, летом — вода. У нас, как у многих в Академгородке, была лодка, сначала самодельная, деревянная (её сделал папин брат), с мотором «Вихрь», а потом — катер «Прогресс». Мы по Обскому водохранилищу плавали на какие-нибудь ближние острова или, если родители располагали большим количеством времени, по дальше. Ставили палатку, разжигали костёр, собирали грибы, бруснику.

С самого раннего детства я любила ходить с папой пешком — неважно куда: на лодочную базу, за грибами, прогуду по городку, а если мы были в другом городе — значит, по его улицам. Потому что когда мы шли, мы разговаривали. Он рассказывал про облака, про деревья, про птиц... И всегда объяснял: почему сначала видно молнию, а потом слышно гром, почему собирается туман, почему виден след от самолёта. Почему... почему... Одна из моих любимых фотографий: мы вдвоём, мне года три, папа в берете и я в берете — мы идём по дороге к Обскому морю.

Отношения с физикой у меня не сложились, но вот это «почему», желание найти причину, осталось со мной.

Он и с внуками потом точно так же: учил плавать, машину водить, дрова колоть, вопросы задавать... Хотя работы к тому времени прибавилось.

Я вообще не помню, чтобы папа когда-нибудь сказал, что он устал ото всех и хочет отдохнуть один. Он отдыхал с нами. Он не любил санатории, пансионаты и за всю жизнь был в санатории, наверное, один или два раза. Думаю, потому что он сам организовывал свою жизнь, ему всегда нужно было что-то делать, а санаторий — отдых пассивный, ты подчиняешься, отключаешься, расслабляешься. Это было не для него.

Я написала о том, что папа втягивал нас в то, что ему было по-настоящему интересно. Но было и обратное. Он, конечно, не потакал нашим малейшим капризам, но если желание, интерес были настоящими, — шёл на встречу даже вопреки собственным

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
сентябрь 2015 г.

желаниям. Например, он никогда не хотел завести собаку, коша или ещё какую-нибудь «живность». И долго сопротивлялся, когда Женя, моя сестра, просила собаку. Я не знаю, как он понял, что это не каприз, но однажды он привёз из командировки маленького щенка-фокстерьера, привёз сам, зимой, за пазухой. То есть не просто разрешил — ну ладно, мол, так и быть, а летел с ним в самолёт, держал на руках (корзин-переноске тогда не было), потом укрывал от холода... И действительно ведь это было настоящее желание — сестра моя не расстается с собаками до сих пор.

Или ещё... Я училась в школе, в классе пятом. Летом нужно было проходить практику по биологии на пришкольном участке. Как-то у нас не получалось по срокам. Отпуск у родителей совпадал со временем практики, мы уезжали в Крым. Я очень переживала, как же не пройду эту практику. Наверное, можно было договориться в школе, написать заявление, но папа поступил иначе. Он договорился... в крымском совхозе — и мы с ним собирали яблоки. Справку выдали. Наверное, удивились.

О настоящем

Настоящий интерес, настоящее желание — папа ценил всё настоящее: настоящие чувства, настоящие дела, настоящие вещи, настоящие песни, настоящие голоса, настоящий вкус. Не любил притворства, украшениявания, вуалирования, не любил кривляния, кокетства, не любил суррогатов, эклектики, видимости. «Быть, а не казаться». Сейчас — не его время, время чего-то со вкусом чего-то.

Эта любовь к настоящему иногда со стороны выглядела причудой. Отрезать сыр толстым куском, чтобы чувствовать вкус. Пить чай с «настоящим» (он так его называл) кусковым сахаром, вприкуску (у нас дома всегда были щипцы для колки сахара). Есть отдельно помидор, отдельно огурец — не салат. Разламывать (не разрезать) яблоко пополам.

Он отказывался гримироваться на телевидении, не следовал рекомендациям имиджмейкеров (это уже потом, в ельцинские времена, когда имиджмейкер стал главной фигурой, и люди перестали слушать слова, а стали смотреть картинку и «выбирать сердцем»); и против него крутили любимое всеми «Любэ», и сердце подкало многим, что его в Думу выбирать не нужно). Он никогда не носил «статусных» вещей. Вещь должна быть функциональна, удобна, соответствовать предназначению. У него никогда не было «навороченных» телефонов, «затонированных» машин, дорогих часов, роскошных кабинетов. О чело-

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
сентябрь 2015 г.

В. Соколов в компании пианиста Дениса Мацуева, губернатора А.Г. Хлопонина и дирижёра И.В. Шпиллера.

веке судят по делам...

Он был хорошо воспитанным человеком, правила этикета, безусловно, знал и с тремя вилками — тремя ножами мог справиться. Но если какое-нибудь правило казалось ему простой условностью, и он не видел в нём смысла, этим правилом пренебрегал. Но никогда не пренебрегал правилами, за которыми стоит уважение к человеку: встретить и проводить гостей, подать женщине пальто, пропустить вперёд, уступить место (кстати, папа ездил в метро, на автобусах и троллейбусах и когда был депутатом, и когда работал в Счётной палате; персональная машина, конечно, была, но если удобнее и быстрее было доехать на метро, он ехал на метро).

Одна их преподавательниц университета как-то вспомнила, как её удивило отношение ректора к ней, молодому специалисту. Папа подбирал специалистов для университета по всей стране, присутствовал на защитах дипломов и диссертаций, искал, потом приглашал не только в рабочий кабинет, но и домой, чтобы ближе познакомиться. И вот она, выпускница МГУ, пришла домой к ректору «на минутку», а он сам вышел к ней навстречу, помог снять пальто...

А меня удивило её удивление: разве могло быть иначе? Не выйти? Не заметить, что она женщина? Это не было условностью, это было искренним отношением к людям, вне статуса, вне иерархии.

О доме

Людей у нас в доме всегда было много: аспиранты, коллеги, партнёры, соискатели, друзья... Были деловые встречи — тогда папа с пришедшими закрывался в кабинете, иногда сидели подолгу, иногда — не очень, а потом он всех приглашал к столу. У мамы к тому времени уже обязательно что-то было готово. Она, собственно, всегда должна была быть готова к приёму гостей. Потому что часто было так: «Через полчаса к нам придёт такой-то». И не всегда дело ограничивалось чаем. Мог последовать вопрос: «А что-нибудь посушеستنнее у нас есть? Мы проголодались».

На праздники всегда было много гостей. В Красноярске — весь ректорат: Сергей Иванович ЕЛИСАФЕНКО, Валентин Алексеевич САПОЖНИКОВ, Геннадий Филиппович КУЦЕВ...

Все, конечно, с жёнами. Приходили ШПИЛЛЕРЫ, СТАБЕРЫ, ЯКУШЕВСКИЕ, ДЕМИРХАНОВЫ, ГРАНИЦКИЕ, ДЕРЕВЯНКО, ГУБИНЫ, РУДАКОВЫ,

О потребностях

...Как-то — я училась тогда в школе, возможно, это было перед приёмом в комсомол, лет в четырнадцать — я спросила у папы, как это может

быть: «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям», а если все захотят столько, что не хватит «по потребностям»? Это ещё не было время тотального дефицита, но и избытка не было. Ощущалось, что потребности нарастают. Академгородошные учёные ездили за границу, привозили всякие диковинки, было понятно, что хотеть можно многого. Папа мне ответил, что потребности должны быть разумными. «А как определить, разумные они или нет?» — спросила я. Он говорил, что человек должен понять: природу невозможно бесконечно эксплуатировать, человек сознательно должен себя ограничить, прихоти и потребности — не одно и то же. И потом: потребности могут быть не только материальными... Он тогда мне не убедил. Сомнения в формуле остались. Но разговор я запомнила.

А ведь он так и жил. В Академгородке очень нелогично он был секретарём райкома. И ездил на работу на велосипеде. Сейчас нам показывают сознательных европейских депутатов и мэров, которые заботятся об экологии и используют только этим видом транспорта. А тогда его пригласил первый секретарь и объяснил, что «не положено по рангу», нужно на машине. Не знаю, чем закончилась беседа (вернее, знаю: долго он в райкоме не задержался — не только из-за велосипеда, конечно, ещё, наверное, чем-то не вписывался), но персональной машины у подъезда так и не было, и разговоров о ней я не слышала никогда.

Машина появилась в Красноярске, но там уже были другие расстояния, и она была простой необходимостью. Он отказывался от квартир и дач в «престижных» местах, он не построил себе особняк, не завёл прислугу, не скопил миллионов. Его потребностью было работать, любить, помогать тем, кому требуется помощь, и — как бы это пафосно ни звучало для «человека хотящего» — делать жизнь лучше. А все остальные потребности — просто условия для осуществления главного.

О вере

Он не любил ДОСТОЕВСКОГО. Я долго не могла понять почему. Сейчас я думаю так: он был очень цельным человеком и не находил в себе «достоевщины», в нём не было внутреннего разлада, комплекса «маленького человека», мелочных обид. Он чувствовал в себе силы справиться даже с самыми грандиозными задачами. От него исходила сила, добрая сила.

Он был атеистом. В последнее время мы часто спорили о вере. Я не

понимала, почему он так, иногда в очень резких выражениях, отрицает религию. А он не отрицал, он утверждал человека. Ему не нужны были подпорки в виде церкви ли, в виде чего-либо другого. Он верил в человеческий разум, вообще — в человека, его светлый разум и совесть, в то, что человек может сделать себя сам, ему нужно только помочь... А решить эту задачу должно было, по его мысли, образование. Поэтому он и занимался образованием — ведь он мог бы остаться в «чистой» науке, у него была лаборатория, было открытие, была научная перспектива.

Образование папа понимал как образование, становление человека, а не обучение узкого специалиста. Поэтому и музыка, и живопись оказались в учебных планах университета. Поэтому и учителю он отводил особую роль. Учитель — главная фигура. Я слышала это много раз, не могу сказать, что до конца понимала. Теперь, кажется, понимаю. Но сейчас мы гораздо дальше от воплощения этой идеи...

О власти

Папа и во власть «ходил» для того, чтобы было больше возможностей строить, создавать, поэтому, если не видел такой возможности, отказывался от «тёплых» мест.

Когда он стал депутатом Верховного Совета, я с семьёй была очень далеко, в Камбодже. Заседания беспрерывно транслировали по телевидению, и я, конечно, смотрела почти всё, чтобы его увидеть. Видела у микрофона, видела в зале, но одна «встреча» меня поразила: он сидел в полном зале совершенно один, где-то сбоку, у стены. Он никогда не был одинок, вокруг всегда были люди, мне казалось, что он должен находиться где-то «в гуще»...

И всё-таки он не был «человеком системы». «Походов во власть» в его жизни было три. Об одном — коротком — я уже упоминала. Потом был ещё (опять же недолго) Красноярский крайком и — Верховный Совет. Все три раза «система» в конце концов распознала его как чужого...

О любимых песнях

Папа пел редко (оказывается, у мужчин часто бывает так, что слышат они музыку хорошо, а голосом воспроизвести не могут), любил слушать, к хору могу присоединиться. Любимой песней была «Среди долины ровныя...»:

*Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветёт, растёт высокий дуб
В мезуучей красоте.*

*Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в высоту...*

А другая песня — «Виноградная косточка» (он любил, как я её пою):

*Виноградную косточку
тёплую землю зарю,
И лозу поцелую, и спелые
гроздья сорву,
И друзей созову, на любовь своё
сердце настрою.*

*А иначе зачем на земле этой
вечной живу?*

29 сентября в Сибирском федеральном университете к юбилею Вениамина Соколова будет оборудована именная аудитория учёного. В программе юбилейных мероприятий — открытие бюста бывшего ректора и историческая реконструкция первого «концерта в колодезь». Традицию таких концертов Красноярского академического симфонического оркестра в университете заложил Вениамин Соколов.